

ПРИЗЫВЪ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ОРГАНЪ СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ И СОЦИАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВЪ

Подъ редакціей: Авксентьева, Аргунова, Бунакова, Воронова, Любимова и

Плеханова.

PRIX:

10 cent.

№ 58.

Адресъ редакціи: M-r Lebedeff, 13, Avenue Reille, Paris, XIV.

Pour la rédaction de l'Appel.

№ 58.

Содер жаніе:

Редакція. — Къ 40-лѣтію политической дѣятельности т. Г. В. Плеханова. Б. Вороновъ. — 9 января 1905—9 января 1917. Г. В. Плехановъ. — Разглаголіе въ итальянскомъ лагерь Циммервальдъ-Кингальцевъ. А. Любимовъ. — Темная сила. А. Кубовъ. — Вѣсти изъ Россіи. — Резолюціи Бельгійскихъ социалистовъ. — Отъ редакціи.

Къ 40-лѣтію политической дѣятельности т. Г. В. Плеханова

9/22 декабря 1916 года исполнилось сорокъ лѣтъ политической дѣятельности тов. Г. В. Плеханова. Въ этотъ день товарищи Г. В. по редакціи «Призыва» послали ему привѣтственную телеграмму. Въ ответъ на нее тов. Плехановъ прислалъ слѣдующее письмо:

«Позвольте мнѣ, черезъ Ваше посредство, поблагодарить редакцію «Призыва» за ея послѣднюю телеграмму. Всякому приятно, когда товарищи выражаютъ ему свое расположение и уваженіе. Но въ данномъ случаѣ мнѣ признаюсь, особенно приятно то, что телеграмма была подписана не только социаль-демократами, но и социалистами-революціонерами».

«Съ социалистами-революціонерами мнѣ приходилось вести борьбу. Но, какъ говорилъ Бѣлинский, пошли только личные ссоры, а борьба за понятія великое и святое дѣло. Мы боролись за понятія, когда это было нужно, а теперь идемъ рядомъ — тоже потому, что это нужно для торжества нашихъ понятій. «Призывъ» тѣмъ и дорогъ мнѣ, что онъ прокладываетъ дорогу для взаимного оближенія мыслящихъ элементовъ с.-дем. партіи съ такими же элементами партіи соц.-революціонеровъ. Отъ этого много можетъ выиграть наше социалистическое движение».

Статья тов. И. И. Аксельродъ по поводу 40-лѣтней политической дѣятельности тов. Г. В. Плеханова по независящимъ обстоятельствамъ редакціей еще не получена. Она будетъ помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Призыва».

Редакція.

9 ЯНВАРЯ 1905 — 9 ЯНВАРЯ 1917

9-го января 1905 года свершилось чудо претворенія людской пыли въ одухотворенную революціонными стремленіями массы. Съ этого дня кроваваго разстрѣла рабочихъ у стѣнъ Зимняго Дворца — началась упорная, не прекратившаяся до сихъ поръ борьба демократіи противъ старого отжившаго режима.

Первый напискъ революції былъ отбитъ съумѣвшей оправиться реакціей. Столыпинъ въ союзѣ съ Азефами и курскими зубрами торжествовали победу. Но кровь, пролитая передъ Зимнимъ Дворцомъ и на де-кабрьскихъ баррикадахъ въ Москвѣ — не пропала даромъ. Дни старого режима, несмотря на его видимую победу, сочтены. Ему удалось задушить лишь вѣнчанія проявленія революції. Но онъ не могъ ни остановить внутренняго революціоннаго процесса въ странѣ, ни сдѣлаться хотя бы въ малой степени организующимъ дѣйственнымъ началомъ. Каждый день еще до войны приносилъ за собой все болѣе и болѣе сложныя проблемы экономического и политического строительства, вовлекая въ конфликтъ со старымъ режимомъ все болѣе и болѣе широкіе слои населенія.

Первымъ снова вышелъ на арену революціонной борьбы пролетаріатъ, отвѣтившій массовыми стачками на Ленскій разстрѣлъ. За пролетаріатомъ стала оформляться та часть россійской буржуазіи, которая связана съ внутреннимъ рынкомъ и особенно тяжко испытываетъ на себѣ всѣ отрицательныя стороны россійскихъ порядковъ.

И наканунѣ войны мы стояли, быть можетъ, въ преддверіи новой волны революції, но революціи болѣе богатой опытомъ и организаціонными навыками, чѣмъ революція 1905 года. Въ Петроградскомъ движении пролетаріата уже слышались раскаты революціонной грозы...

Война, ударившая какъ громъ срети яснаго неба, замутила и смѣщала начинавшееся движение. Вновь разметзала, налаживавшуюся рабочую организацію, отодвинула на второй планъ внутреннія задачи. Но все это было временно и преходяще, ибо война подвергла суровому экзамену русскую государственную власть и воочию доказала полную непригодность этой власти для обороны страны и для устройства ея внутренней жизни. Противъ старого режима возстали теперь всѣ живыя общественные силы страны. И даже оплотъ россійской реакціи — Государственный Советъ и объединенное дворянство — провозглашаютъ «отечество въ опасности», требуютъ измѣненія режима. Въ глазахъ всей Россіи путь къ побѣдѣ совпадаетъ

съ путемъ къ свободѣ. Вокругъ этого лозунга — че-резъ организацію побѣды къ свободѣ и черезъ борьбу за свободу къ побѣдѣ — организуется вся страна. Борьба со старымъ режимомъ дѣлается не даленіемъ и отвлеченнымъ программнымъ требованіемъ, а конкретной необходимостью, ясно сознаваемой всѣми и каждымъ. И тѣмъ болѣе совпадаютъ эти пути для трудовой демократіи, знающей, что побѣда союзниковъ является непремѣннымъ условіемъ существования и развитія демократіи и на Западѣ, и въ Россії.

Конечно, трудовая демократія немедленно же по осуществлѣніи этихъ историческихъ задачъ, стоящихъ передъ всей націей, пойдетъ дальше, борясь за свои классовые лозунги и идеалы. Но для настоящаго момента правильное пониманіе ея собственныхъ классовыхъ интересовъ должно заставить трудовую демократію сдѣлаться авангардомъ всенародного движения въ борьбѣ за свободу и за побѣду. Этотъ путь, какъ единственный въ настоящихъ условіяхъ путь политической борьбы демократіи, и указывало наше «Воззваніе къ трудящемуся населенію Россіи».

9-го января 1905 года рабочій классъ Россіи получилъ свое кровавое крещеніе. Теперь онъ долженъ доказать свою политическую зрѣлость. Отъ степени его зрѣлости зависятъ и побѣда, и свобода Россіи.

Борисъ Вороновъ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЛАГЕРѢ ЦИММЕРВАЛЬДЪ-КИНТАЛЬЦЕВЪ.

Семнадцатого декабря истекшаго года, въ засѣданіи итальянского парламента, всемирно извѣстный лидеръ «офиціальной» соціалистической партіи, Филиппо Тураги, произнесъ рѣчь, вызвавшую немалое удивленіе какъ въ самомъ парламентѣ, такъ и въ печати. И она, несомнѣнно, заслуживаетъ большого вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, которые, по той или по другой причинѣ, интересуются взглядами «офиціальныхъ» соціалистовъ Италии. Судите сами.

Согласно газетнымъ отчетамъ, т. Тураги, говоря о выраженной центральными имперіями готовности вступить въ мирные переговоры со своими противниками, замѣтилъ, между прочими, что миръ не возможенъ безъ: 1) освобожденія Бельгіи, Румыніи, Польши, Сербіи и Черногоріи; 2) безъ такого исправленія границъ Италии, благодаря которому къ ней отошли бы вѣдь дѣйствительно (*veramente*) итальянскія мѣстности.

Согласитесь, что этому вполнѣ позволительно было удивляться!

Если миръ желателенъ только при условіи освобожденія странъ, перечисленныхъ въ рѣчи т. Тураги, то по прямому смыслу этой рѣчи необходимо продолжать войну до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто это условіе. Но мы знаемъ, что Циммервальдъ-Кинталъ, — на тойкъ зреїнія котораго стоятъ «офиціальная» итальянская партія, — войны «не пріемлетъ», и во всѣхъ, пріемлюющихъ ее, видятъ измѣнниковъ вѣлу соціализма.

Какъ же понимать т. Тураги? Можетъ быть, онъ теперь уже самъ «не пріемлетъ» циммервальдъ-кинталъскихъ резолюцій? Или же «офиціальные» итальянскіе соціалисты, отъ лица которыхъ держалъ онъ свою рѣчь въ парламентѣ, рѣшились, наконецъ, дать этимъ резолюціямъ такое истолкованіе, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, отнюдь не исключаетъ «прілія» войны и даже дѣятельного въ ней участія?

Признаніе необходимости продолжать войну въ томъ случаѣ, если австро-германцы не согласятся очистить завоеванныя ими страны, равносильно не только признанію *права* каждого народа на самозащиту, но еще и признанію *обязанности* другихъ странъ помочь самозащищѣ народовъ, подвергающихся нападению. Это какъ разъ тѣ самые принципы, которые провозглашаемъ и развиваемъ мы съ самого начала нынѣшней войны, за что и подвергаемся всяческимъ нападкамъ и нареканіямъ со стороны Циммервальдъ-Кинталъ. Стало быть, правы были мы, а не циммервальдъ-кинталъцы?

Но это еще не все. Какъ гласили газетные отчеты, т. Тураги далъ понять, что онъ не удовольствуется присоединеніемъ къ Италии всѣхъ «дѣйствительно итальянскихъ мѣстностей», а желаетъ, кроме того, чтобы его отчество получило *надлежащія стратегическія границы*. Изъ этого слѣдуетъ, что къ итальянскому королевству должны отойти даже такія мѣстности, которыхъ не могутъ быть признаны дѣйствительно (*veramente*) итальянскими т. е. такія, которыхъ будучи населены, скажемъ, иѣмцами или славянами, нужны Италии исключительно по стратегическимъ соображеніямъ.

Одно изъ двухъ: или весь міръ плохо понимаетъ до сихъ поръ содержание циммервальдъ-кинталъскихъ резолюцій; или рѣчь т. Тураги должна, съ точки зреїнія этихъ резолюцій, представляться переопредѣленіемъ самыми еретическими положеніями.

Тутъ я долженъ оговориться. Отчетъ объ этой рѣчѣ я прочелъ въ «*Cottieré della sera*» и въ миланскомъ «*Secolo*». Пораженный ея содержаніемъ, я, какъ и слѣдовало, спросилъ себя: «точно ли изложили эти органы мысли т. Тураги?» За рѣшеніемъ этого вопроса я обратился къ официальному органу «офиціальныхъ» итальянскихъ соціалистовъ — «*Avanti!*». Но случилось такъ, что тотъ номеръ этого органа, въ которомъ, по моему предположенію, заключался отчетъ о рѣчи т. Тураги (номеръ отъ 18-го декабря), въ San-Remo не былъ полученъ. Достать его не удалось мнѣ до сихъ поръ. И я, конечно, не позволилъ бы себѣ никакихъ комментаріевъ къ рѣчи т. Тураги, еслибы этотъ послѣдній, письмомъ въ редакцію «*Avanti!*» (№ отъ 22 декабря), самъ не пояснилъ, какъ именно слѣдуетъ понимать его мысли.

Въ своемъ письмѣ т. Тураги заявляетъ, что онъ «никогда не говорилъ», будто Италия не должна соглашаться на миръ, пока не пріобрѣтѣ болѣе надежной стратегической границы. Согласно этому заявлению, онъ сказалъ лишь вотъ что:

«Рѣчь войны, вопреки намъ, началась, (dache la guerra, nostro malgrado, s'è fatta, *) стоила такъ много крови и причинила такъ много разорений, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, сдѣлать попытку добиться такихъ условій, которыя, посредствомъ исправленія границъ, обеспечатъ болѣе полное признаніе принципа национальности, дадутъ стратегическую гарантію свободы Адриатического моря и, такимъ образомъ, на будущее время послужатъ залогомъ не только справедливости, но также болѣе надежной самозащиты и мира, а вслѣдствіе этого, и уменьшенія военныхъ расходовъ».

Т. Тураги убѣжденъ, что въ такомъ его желаніи нѣтъ ровно ничего «оскорбляющаго» соціалистическую ортодоксію или хотя бы простой здравый смыслъ. «Неужели — спрашиваетъ онъ, — разъ начальствуетъ бичъ войны, мы должны, заранѣе отказавшись получить тѣ или другія компенсаціи, а рѣгії оправдать то правительство, которое,

*) Подчеркнуто въ письмѣ т. Тураги.

послѣ того, какъ оно начало войну, удовольствовалось бы жалкимъ миромъ, прибавляя ко вреду еще и насыщку?»

Нельзя не признать, что т. Тураги довольно удачно поставилъ вопросъ. Никто не захочетъ *à priori* оправдывать правительство, которое своей политикой не только вредитъ своей странѣ, но кромѣ того еще издѣвается надъ ней. Это такъ. Но въ чём же состояла бы, по мнѣнію т. Тураги, преступная насыщка итальянского правительства надъ своей страной? Въ заключеніи жалкаго мира (*una pace cogliono*). А какой миръ называетъ жалкимъ нашъ почтенный товарищъ?

Тотъ, который не поведеть за собою болѣе полнаго признанія національного принципа и, не давъ Италии стратегической гарантіи свободы Адріатического моря, лишить ее возможности уменьшить свои военные расходы.

Очень хорошо. Однако, «*à priori*» совершенно ясно, что правительство, не имѣющее права заключить такой жалкий миръ, обязано продолжать войну, пока не добьется перечисленныхъ мною, вслѣдъ за т. Тураги, условій. А если это такъ, то напрасно утверждаетъ этотъ товарищъ, что онъ никогда не говорилъ, будто Италия не должна соглашаться на миръ иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ, т. е. между прочимъ, на условіи пріобрѣтенія болѣе надежной стратегической границы (*più sicuro confine strategico*). Нѣтъ, изъ его собственныхъ объясненій явствуетъ, что онъ сказалъ именно — это.

Не менѣе сильно заблуждается т. Тураги, съ твердой увѣренностью полагая, что въ его рѣчи нѣть ровно ничего противѣщааго циммервальдъ-кантальскимъ резолюціямъ, въ которыхъ выразилась, какъ думаетъ онъ, социалистическая ортодоксія. На самомъ дѣлѣ его мысль о стратегическихъ границахъ и его осужденіе жалкаго мира *въ такой же мѣрѣ* противорѣчить логикѣ Циммервальдъ-Кинтала, *въ какой расходитъся съ нею та его мысль*, — выказанная, если вѣрить итальянской печати по случаю чествованія памяти Чезаре-Баттисти, — что этотъ послѣдній хорошо исполнилъ свою обязанность итальянца и соціалиста. Одно изъ двухъ: если самоутверженный борецъ за національное право жителей Трентино хорошо исполнилъ эти двѣ обязанности, то «официальные» итальянские соціалисты не исполняютъ ни одной изъ нихъ. И наоборотъ: если «официальные» итальянские соціалисты хорошо исполняютъ эти двѣ обязанности, то Чезаре-Баттисти своимъ поведеніемъ нарушилъ и ту, и другую. *)

Точно также, если итальянское правительство имѣетъ право заключить миръ только тогда, когда оно добьется извѣстныхъ, — выгодныхъ для Италии, — условій, то оно не должно руководствоваться миролюбивыми циммервальдъ-кантальскими резолюціями. И наоборотъ: если оно должно руководствоваться этими резолюціями, то оно обязано принять даже и жалкій миръ, такъ рѣзко осужденный т. Тураги.

Этотъ почтенный товарищъ утверждаетъ далѣе въ своемъ письмѣ, что соображенія объ условіяхъ возможнаго, — т. е. не «жалкаго», — мира, высказаны были имъ только для примѣра и въ качествѣ чисто діалектической гипотезы (*di pura ipotesi dialettica*). По этому поводу я замѣчу прежде всего, что слово діалектика понимается имъ, очевидно, совсѣмъ не такъ, какъ его понимали, напримѣръ, Гегель и Марксъ. Т. Тураги, конечно, имѣеть полное право понимать это слово, какъ ему угодно. Однако, всякий можетъ съ полнымъ основаніемъ упрекнуть его въ томъ, что, высказывая свою «чисто діалектическую гипотезу», онъ разошелся *съ самимъ собою*, какъ *сторонникомъ циммервальдъ-кантальскихъ резолюцій*.

Т. Тураги говоритъ, что выводъ, къ которому пришелъ онъ въ своей рѣчи, сводится къ признанію необходимости рѣшать международныя столкновенія посредствомъ третейскаго суда. Чтобы подкрѣпить этотъ выводъ, онъ, по его словамъ, сослался на то, что каждая изъ воюющихъ сторонъ признаетъ такую необходимость для будущаго (рег Гаукеніе). Но тутъ онъ, замѣчу я отъ себя, сдѣлался жертвой своей діалектики, не похожей ни на діалектику Гегеля, ни на діалектику Маркса.

Каждая изъ воюющихъ сторонъ, признавая необходимость международнаго третейскаго суда для будущаго, утверждаетъ, однако, что такой судъ станетъ возможнымъ лишь при наличии извѣстныхъ условій, ради которыхъ она и ведетъ войну. Кто придерживается діалектики, отличающейся — подобно діалектикамъ Гегеля или Маркса, — болѣе или менѣе, конкретной природой, тотъ постарається выяснить себѣ, какія именно условия имѣютъ или должны имѣть въ виду воюющія стороны. Если онъ убѣдится, что та или другая изъ нихъ добивается такихъ условій, которыми нарушенъ будетъ принципъ національностей, правомѣрное требование стратегическихъ границъ (отмѣченное т. Тураги въ своей рѣчи) и т. п., то онъ признаетъ эту сторону неправой и, — если онъ дорожитъ справедливостью, — перенесетъ свои симпатіи на противоположную сторону. Но совершенно отвлеченнаго «діалектика» т. Тураги, — въ просторѣчи именуемаго «словесностью», — вывела его на совсѣмъ другой путь: онъ удалилъ изъ своего поля зрења всѣ тѣ конкретныя условія, изъ-за которыхъ ведется война, вслѣдствіе чего и пришелъ къ тому отрадному для него убѣждению, что спорные вопросы нынѣшней войны уже теперь легко могутъ быть рѣшены третейскимъ судомъ.

Я и здѣсь готовъ на минуту допустить, что это, въ самомъ дѣлѣ, такъ. Но я спрашиваю: что такое могутъ представлять собою рѣшенія международнаго третейскаго суда?

Они могутъ представлять собою или простые «ключки бумаги», надъ которыми умѣютъ такъ ядовито насыщаться германские имперіалисты; или же такія постановленія, которые, въ случаѣ нужды будутъ приводимы *въ исполненіе силой*. Что предпочитаетъ т. Тураги? Если ему больше нравятся «ключки бумаги», то ясно, что его «діалектика» завела его въ ту самую область утопій, изъ которой онъ, по его собственнымъ словамъ, хотѣлъ выйти посредствомъ своихъ разсужденій о желательныхъ условіяхъ мира. Если же онъ думаетъ, что международный третейскій судъ долженъ, когда это понадобится, силой поддерживать свои рѣшенія, то въ этомъ случаѣ онъ, конечно, выходитъ изъ области утопіи, но за то совершиенно лишается логической возможности истолковывать свои соображенія объ исправленіи итальянскихъ границъ въ духѣ Циммервальдъ-Кинтала.

*)Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что съ точки зрења «официальной партии Италии, у соціалиста нѣть никакой національной обязанности. Допустимъ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ. Но тогда возникнетъ вопросъ: какъ же ухитился Чезаре-Баттисти хорошо исполнить не существующую обязанность? Кромѣ того, если у него и не было никакой обязанности по отношенію къ своей родинѣ, то вѣдь неоспоримо, что свою соціалистическую обязанность, въ существованіи которой не сомнѣваются и «официальные» соціалисты, онъ истолковалъ *въ смыслѣ* прямо противоположномъ смыслу циммервальдъ-кантальскихъ резолюцій. За что же хвалилъ его т. Тураги, считающій эти резолюціи выраженіемъ соціалистической ортодоксіи? Это остается непостижимымъ.

Онъ говоритъ въ своемъ письмѣ, что полный текстъ его рѣчи будетъ напечатанъ въ январскомъ номерѣ «Critica Sociale». Лучше поздно, чѣмъ никогда!

Будемъ надѣяться, что въ январѣ 1917 г. мы съ ясностью увидимъ, наконецъ, какъ именно пытался нашъ уважаемый товарищъ согласить свое сильное отвращеніе отъ «жалкаго мира» со своимъ не менѣе же сильнымъ стремлениемъ оставаться вѣримы социалистической ортодоксіей, совпадающей по его мнѣнію съ чисто утопической мудростью Чиммервальдъ-Кинтала. Но и теперь уже можно предвидѣть, что всѣ его усилия, направленныя въ эту сторону, покажутъ себя совершенно бесплодными. Есть, также, законы логики, отъ которыхъ нельзѧ отѣльстваться никакими «дialektическими гипотезами». Т. Турати никогда и никого не убѣдить въ томъ, что можно угрожающе говорить правительству: «для тебѣ не будетъ никакого оправданія, если ты не добѣшься выполненныхъ «условій мира», и въ то же время требовать отъ него, чтобы, добиваясь такихъ условій, оно отнюдь не прибѣгало къ военной силѣ.

А пока что, — не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчь т. Турати вызвала большой переполохъ въ тѣхъ кругахъ «офиціальной» соціалистической партіи Италии, которые считаютъ себя оплотомъ соціалистической ортодоксіи, а на самомъ дѣлѣ, являются не болѣе, какъ фанатическими представителями чиммервальдъ-кинтальского утопизма.

Въ своемъ № отъ 21-го декабря «Avanti!» довело до свѣдѣнія своихъ читателей, что у его редакціи до сихъ порь нѣтъ стеноографического отчета о названной рѣчи. Такимъ образомъ она, — подобно всѣмъ намъ, интересующимся итальянскимъ соціалистическимъ движениемъ, — вынуждена была разсуждать обѣ этой рѣчи на основаніи не совершенно достовѣрныхъ отчетовъ. И надо думать, что именно по этой причинѣ ея разсужденія о ней оказались совершенно неосновательными.

Вотъ, напримѣръ, въ №-рѣ отъ 19 декабря она заявила, что т. Турати слѣдуетъ понимать такъ:

«Если для того, чтобы жить въ мирѣ или заключить мирѣ, необходимо исправленіе границъ по экономическимъ, политическимъ, стратегическимъ и т. д. и т. д. соображеніямъ, то да совершиется такое исправленіе», но — прибавила она, — исправленіе границъ, непремѣнно, слѣдуетъ добиваться мирнымъ путемъ. Для точного выражения мыслей т. Турати редакція придумала слѣдующую краткую формулу: «diritti nazionali si, ma guerra no» (национальные права — да, но война — нѣтъ). Эта формула обладаетъ несомнѣннымъ достоинствомъ краткости; однако, она совсѣмъ несостоятельна, какъ выражение мыслей т. Турати.

Мы уже знаемъ, что онъ безусловно высказался противъ «жалкаго мира». И я уже говорилъ, что кто безусловно высказывается противъ «жалкаго мира», тотъ не можетъ быть безусловно противникомъ войны, наоборотъ: изъ его отвращенія отъ «жалкаго мира» слѣдуетъ, что онъ условно желаетъ — или долженъ желать, если не отказывается мыслить логически, — продолженія военныхъ дѣйствій. Редакція «Avanti!», какъ видно, не захотѣла понять т. Турати.

Что касается содержанія придуманной редакціей «Avanti!» краткой формулы, то его можно передать съѣдущими словами:

«Народы имѣютъ право на независимое существованіе; однако, если отстаивать его отъ покушений со стороны другихъ или другихъ насильниковъ они... права не имеютъ! Нельзя противопоставлять насилию си-

— Это — чистѣйшая толстовщина въ ея примѣненіи къ международной политикѣ; но толстовщина хороша для божихъ людей, да еще развѣ для божихъ коровокъ. Она совсѣмъ не приличествуетъ серьезному политическому дѣятелю, какимъ былъ и остается, не смотря на свои заблужденія, — т. Турати.

Замѣтите, что, взявъ на себя истолкованіе мыслей этого товарища, редакція «Avanti!», рядомъ съ указаниемъ на соображенія экономическая, политическая и т. д. поставила также и соображенія стратегическая. Такъ было въ № отъ 19-го декабря. Но потомъ ее взяло раздумье. И вотъ, въ № отъ 21-го декабря, (въ отдѣлѣ «Polemichette»), она принялась доказывать, что если понятіе національнаго праван единогор, вѣчно (про ed. eterno), по крайней мѣрѣ, «для вѣтхъ, которые его провозглашаютъ» (въ этомъ № редакція съ своей стороны уже совсѣмъ отказалась «проводглашать» это право), то понятіе о стратегическихъ границахъ замѣняется въ зависимости отъ развитія военной тактики. На этомъ основаніи редакція «Avanti!» спрашивала, неужели международныя границы должны будутъ измѣняться въ зависимости отъ того, что найдутъ нужнымъ для своихъ стратегическихъ цѣлей всемирные Гинденбурги. Такъ поставить вопросъ значитъ отвѣтить на него отрицательно. Поэтому редакція «Avanti!» рѣшила, что лидеръ итальянской партіи не могъ требовать стратегического исправленія границъ Италии, и что «большая фантазія» противниковъ офиціального итальянскаго соціализма создала такого Филиппо Турати, который гораздо болѣе похожъ на нихъ самихъ, нежели на Турати, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Но напечатанное въ томъ же органѣ письмо дѣйствительного, а не воображаемаго Турати показало, что противники все таки лучше поняли его, нежели единомышленники изъ числа работающихъ въ «Avanti!». И если ужъ можно говорить здѣсь о «фантазіи», то приходится признать, что у противниковъ она отличается гораздо лучшимъ здоровьемъ, нежели у единомышленниковъ.

Что бы ни заявлялъ т. Турати, и какъ бы ни комментировала его заявленія редакція «Avanti!», — совершенно очевидно, что она съ нимъ не согласна. Въ «офиціальномъ» лагерь читающихъ чиммервальдъ-кинтальцевъ нѣтъ единомыслия по вопросу о войнѣ.

Да и быть не можетъ! Въ лицѣ т. Турати — передъ нами одинъ изъ самыхъ убѣждѣнѣй и выдающихся итальянскихъ «реформистовъ» (въ Германии люди его образа мыслей называются «ревизионистами»), между тѣмъ какъ редакція «Avanti!» находится теперь въ рукахъ анархо-синдикалистовъ, по смѣшному недоразумѣнію вообразившихъ себя соціалистическими ортодоксами. «Реформисту» нельзѧ столкновѣніе съ анархо-синдикалистомъ приблизительно по той же причинѣ, по которой не можно впрѣчь въ одну тельгу вода и трепетную лань.

Страннѣмъ тутъ можетъ показаться одно: почему это т. Турати, человѣкъ несомнѣнно болѣе образованный, умный и талантливый, нежели всѣ редакторы «Avanti!», сложенные вмѣсть и помноженные на десять, считаетъ нужнымъ какъ бы оправдываться передъ ними и чуть-ли не акзаменоваться у нихъ по части ортодоксіи. Но это объясняется тѣмъ, что т. Турати давно уже, — со времени предпринятаго Бернштейномъ «пересмотра» маркса, ученинъ, — нерестялъ дорожить теоріей научнаго соціализма.

За это онъ наказанъ теперь тѣмъ, что смѣшивается анархо-синдикалистовъ съ соціалистами, и нещѣтѣмъ что даже редакція «Avanti!» ухитрилась быть почти правой въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ его разсужденіямъ о стратегическихъ границахъ.

Насколько можно судить о нихъ на основаніи его собственнаго письма, разсужденія эти были далеко

неудовлетворительны. Онъ взглянуль на вопросъ о стратегическихъ границахъ съ точки зрѣнія одной только страны: Италии. Но смотрѣть на это чрезвычайно сложный и деликатный вопросъ съ исключительной точки зрѣнія одной страны, — все равно какъ именно, — значитъ въ самомъ дѣлѣ подвергаться риску сближенія, если не съ «Гинденбургами», то съ Эберталями, Шейдеманами и прочими «соціальдемократическими» прислужниками германского империализма. Не будучи пророкомъ, можно предсказать, что именно стратегическими доводами будутъ прикрывать теперь эти хитроумные политики свое одобрение «канексіямъ», противъ которыхъ они видятъ себя вынужденными высказываться для наивной и довѣрчивой «галлереи».

Г. Плехановъ.

ТЕМНАЯ СИЛА.

Надо было сообщить кое-что не совсѣмъ обыкновенное, чтобы послѣ всѣхъ разоблаченій и обличеній послѣдняго времени привлечь общественный интересъ къ засѣданію Думы отъ 29 ноября. Засѣданіе это привлекло къ себѣ и вниманіе начальства, ибо рѣчи, произнесенные на немъ, нѣсколько дней находились подъ запретомъ и не могли своевременно дойти до широкой публики, такъ сильно интересующейся всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ Гос. Думѣ.

Въ этомъ засѣданіи Дума обсуждала запросъ по поводу учрежденія должности второго товарища оберъ-прокурора Синода. Факты, которыхъ касался запросъ, чрезвычайно любопытны сами по себѣ, но еще болѣе интересны и поучительны тѣ комментаріи къ нимъ, какіе были сдѣланы въ рѣчахъ, произнесенныхъ по поводу этого запроса.

Суть его, по словамъ докладчика, В. Н. Львова, такова: «Въ одинъ изъ ноябрьскихъ дней прошлаго года къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода Волжину явился рекомендованный весьма вліятельнымъ лицомъ кн. Жеваховъ, который выразилъ желаніе служить по вѣдомству православнаго исповѣданія. Идя навстрѣчу рекомендациемъ вліятельныхъ лицъ («Кого?» — спрашиваютъ съ мѣста) оберъ-прокурортъ Волжинъ предложилъ кн. Жевахову занять любое изъ мѣстъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія по его усмотрѣнію. Но кн. Жеваховъ въ реестрѣ должностей вѣдомства не нашелъ себѣ подходящаго мѣста ни по рангу, ни по званію, ни по жалованію. Тогда оберъ-прокурору Волжину пришлось создать экстраординарную должность, которая удовлетворяла бы вполнѣ кн. Жевахова. Такимъ образомъ, и явились мысли о созданіи второй должности товарища оберъ-прокурора съ повышеннымъ окладомъ въ 12 тысячъ рублей, тогда какъ товарищъ оберъ-прокурора по штатной должности получаетъ всего 10 тысячъ рублей». («Русск. Вѣд.» № 278).

Затрудненіе встрѣтилось въ томъ, что изъ государственного казначейства недовѣро было брать денежнѣ на синекуру, созданную еще и безъ согласія Думы, а такъ какъ все дѣло было въ денежной части, то синодъ постановилъ выдать эти 12000 изъ церковныхъ средствъ, разнеси ихъ по разнымъ статьямъ, въ томъ числѣ постановилъ 2000 руб. взять изъ свѣтской прибыли («Огарки» — замѣтилъ при этомъ чей то голосъ съ лѣвой стороны Думы).

Касаться формальной стороны запроса мы не будемъ. Онъ интересенъ не этимъ. Онъ интересенъ

тѣмъ, что показываетъ до какихъ предѣловъ дошелъ развалъ въ государственныхъ учрежденіяхъ подъ вліяніемъ «темныхъ силъ», заставилъ еще разъ обратить на нихъ вниманіе Думы и Россіи и побудилъ Думу приподнять завѣсу той лабораторіи, где изготавляется россійская распутинщина. Распутинъ, правда, уже нѣтъ. Но отъ этого сказанное въ Думѣ не потеряло своего практическаго злободневнаго интереса, ибо если Распутинъ убитъ, то распутинщина жива и продолжаетъ дѣйствовать.

Думскія пренія 29 ноября касались Синода. Матеріаль, даваемый ими, ограничивается, поэтому, нашимъ духовнымъ сословіемъ. Это однако не мѣшаетъ дѣлать изъ нихъ общіе выводы, ибо распутинщина рекрутируется въ значительной части изъ этого сословія. Въ теченіе пѣківъ было оно оплотомъ и орудіемъ реакціи, а къ личному, закулисному способу тайныхъ вліяній больше всего подходитъ люди, напрактиковавшиеся по своему положенію на «душевныхъ интригахъ».

Первой отличительной чертой распутинщины является то, что она дѣйствуетъ тайно и безотвѣтственно. Мы говоримъ не о формальной сторонѣ. Съ формальной стороны передъ страной безотвѣтственны всѣ чиновники отъ министровъ до послѣднихъ околодочныхъ. Но страна все же знаетъ, съ кого и что слѣдуетъ ей требовать. Распутинщина же невидима и неуловима. Сухомлиновы, Хвостовы, Треповы, Штурмеры — всѣ они на виду передъ страной и всѣхъ она по своему цѣнить за ихъ поступки, но страна не знаетъ, въ какой мѣрѣ поступками ихъ руководить Распутинъ или какой либо другой персонажъ, фактически можетъ быть не менѣе ихъ за все ответственные, но никому неизвѣстны.

«Мы видимъ, говорить В. Н. Львовъ въ Думѣ, во главѣ петроградской митрополіи Питирима, который вместо того, чтобы заниматься своими епархиальными дѣлами, паstryрствовать, разѣзжаетъ во всѣ концы Россіи и занимается постановленіемъ не въ священники, а въ члены совѣта министровъ и въ администрации».

Что Питиримъ — петроградскій митрополитъ, объ этомъ всѣмъ извѣстно и всѣ знаютъ на кого обращать взоры, когда вопросъ касается дѣлъ петроградской епархіи. Но кто же знаетъ какого губернатора или ministra онъ поставилъ въ должность и кто могъ бы догадаться, что и на него падаетъ ответственность за дѣла и составъ Совѣта министровъ?

До послѣднихъ временъ эта роспутинщина строго держала себя въ тайнѣ и если теперь нѣкоторые дѣятели ея начинаютъ выползать на свѣтъ божій — къ этому вынудили ихъ обстоятельства. Связаннымъ съ режимомъ, противъ котораго ведется теперь такая рѣшительная борьба, имъ не всегда удавалось въ свалкѣ замести слѣды; припертые къ стѣнѣ, они начинаютъ биться всѣми силами и не стыдятся наготы своей — лишь бы сохранить свое положеніе.

Говоря о «темныхъ вліятельныхъ силахъ» самарскій священникъ Крыловъ разсказываетъ въ Думѣ, какъ игуменъ Анатолій, настоятель одного изъ самарскихъ монастырей, тѣсно связанный съ этими темными силами, употреблялъ «всѣ безчестныя средства, чтобы добиться епископской кафедры». «Онъ собралъ, по словамъ Крылова, подъ прошеніемъ подпись своихъ арендаторовъ и увѣряетъ, что за него ходатайствуетъ вся Самара. Онъ пускаетъ въ ходъ фотографіческія карточки свои и своихъ родственниковъ, снявшихся въ мантіяхъ и схимахъ; онъ пускаетъ въ ходъ рассказы о всякихъ небылицахъ. Мерзость подобныхъ искателей такъ велика и упорна, что церкви грозитъ опасность ихъ вторженія».

Но если рядовые члены способны обнажать себя,